3 1761 08223220 8

ІЯ ОТРАДЫ

нологи, куплеты, декламаціи,
шутки и быстроумки.

Часть I.

ЛЬВОВЪ 1910. - - - - - ИЗДАНІЕ ГР. ГАНУЛЯКА.
Ставропигійская типографія подъ упр. М. Рефця.

PG
3932
D54
1910
ch. 1
c. 1
ROBARTS

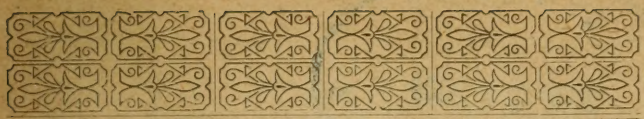
Presented to the

LIBRARIES *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

PAUL MAGOCSI



ДЛЯ ОТРАДЫ

монологи, куплеты, декламаціи, шутки и быстроумки

Издаетъ: Гр. Ганулякъ.

Часть I.

Львовъ 1910.
Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управленіемъ Михаила Рефця.

Gift from the library of
Dar z biblioteky
PAUL ROBERT MAGOCSI

LIBRARY
JUN 01 2009
UNIVERSITY OF TORONTO

Не той лишь святый, кто все сумуе
Прилично всякій — и пожартуе.

Тисне васъ журба, давитъ васъ горе, возьмѣтъ *для ôтрады* въ руки нашу книжочку, а найдете тамъ лѣкъ и раду на всякій сумъ и въ кажду хвилю розвеселитесь.

Где найдеся наша книжочка, тамъ пôйде безжурна забава живо впередъ и здоровый смѣхъ буде лунати зъ всѣхъ грудей.

А хочете забавити кромѣ себе также и другихъ, то научѣтся що нибудь зъ сеи книжочки и ставайте на сцену, та сатирою и гуморомъ розвеселяйте сумующихъ и упавшихъ на дýху, съ горы берѣть всякі пороки и блуды, щобъ свѣтъ ишовъ не манôвцями—а шляхомъ простымъ и честнымъ.

А кто на васъ за „правду въ очи" оскорбится, злитись буде, то не журѣтся, не зражайтесь. Правда ворогôвъ мае много, но она все горою.

Г.

Монологъ жида.

Жидъ сидитъ при столѣ, погладжуе собѣ бороду и приспѣвуе:

Неразъ сяду — тай думаю,
Тай киваюсь ту и тамъ —
И пôдъ нôсъ себѣ спѣваю —
Тади-ри-ди, ри-ди-бамъ!

Таки а зой! Чому я не маю собѣ заспѣвати. Гроши у мене есть, корчма у мене есть и Суре у мене есть.

За гроши купую я розмаиты трунки, Сура сидитъ у корчма и шинкуе — а я собѣ сяду пôдъ свое ôкно, отправлю свои борухи, та чешу собѣ своя борода. Кажете, що руда. Та дежь то руда, то ясне бороде— блондъ, а они кажутъ що руда. Що? смердитъ? Та чимъ смердитъ? Чесникъ не смердитъ прецѣ, цыбуля также не смердитъ, редька также не смердитъ. Правда, моя горѣфка смердитъ, але я ôгъ неи ничо не пью, то все для гоя. Що я пью? Ни, що я маю пити? Напюся часомъ вода зô сокомъ, а часомъ чиста вода и бôльше я ничому не хочу. Пиво я не люблю пити, пивомъ я гандлюю, кава также не пью, бо якось Суре николи кавы не хоче зварити, а впрочѣмъ кава — то такій дурный напитокъ, що страхъ. А може то и мудрый напитокъ, но люди зъ него робятъ якйсь такй комедіи, що ажь смѣхъ. Палятъ той кава на огни, щобы було чорне, а потôмъ лѣютъ до него

трохи съ молока, щобы було бѣле; даютъ до кава съ кусникомъ цикорія, щобы той кава було гôрке, а потôмъ кидаютъ цукоръ, щобы оно було солодке; потôмъ грѣютъ его на поломѣнь, щобы оно ему було горяче, а потôмъ дують на него, щобы було зимне. Чи то не смѣхъ съ такій напитокъ?

Коли уже зôйшло мое бесѣда на смѣхъ, то я вамъ еще щось скажу. Я уже не буду смѣятися зъ кава, лишь съ той вашъ смѣшный русскій языкъ. А не съ той языкъ, що вы маете межи зубы, но съ той языкъ, що то ся называе иначе: бесѣда. Зъ та ваша бесѣда, то не можно ніякъ бути розумнымъ, а то длятого, що вы съ однимъ слово называете неразъ двѣ рѣчи, або называете якась рѣчь такъ, що оно такъ нигде не есть. На примѣръ мы жидки ѣмо неразъ така рыба, що ему сьи называе: *сумъ*, а вы кажете, що десь часомъ въ серце маете така *сумъ*, що сьи вамъ плакати хоче. Авось тамъ за моя корчма росте *лѣсъ*, най му буде и лѣсъ, но коли мôй Ицикъ пôшовъ вчера въ вôйтôвъ садъ, а тамъ була велика песъ и мого Ицка злапала за цицелесъ съ заду, то сей Танасъ, що то менѣ часомъ корчма замѣтае, каже до него; А по що ты тамъ *лѣзъ?* Або кажутъ неразъ гои: ой кобы то *мати* гроши, а потôмъ на своя мама каже также *мати*. Но чи не правду кажу, що та ваша бесѣда то така смѣшна, що мене часомъ и колька коле. Лѣзе часомъ черезъ садъ такій щуръ, що мае на хребетъ самй шпильочки, а часомъ на тй шпильочки ôнъ краде яблока, то дѣти кличутъ адѣтъ: *ѣжь, ѣжь*! А коли кто сяде до миска и ѣсть, то также кажутъ: *ѣшь*! Колись, коли я не хотѣло дати моимъ гостямъ горѣфка, каже одинъ до мене: *А ты насъ* Срулю не дразни... лишь давай... А есть сновь въ наше село така дурна голова, що всѣ собѣ съ него кепкуютъ, а ôнъ называеся также *Атанасъ*. Кажу вамъ, що той вашъ бесѣда то страхъ смѣшна. Або, есть якійсь одинъ слово, котрый значитъ одну рѣчь, а якъ додати до той слово лишь одну або двѣ малень-

ка буква, то той слово уже цѣлкомъ що друге значитъ. Я вамъ скажу примѣръ: *Баки*, то волосье на панске морда, а *собаки*, то уже таки сотворѣнье, що менѣ за него великій страхъ. *Вода*, то бувае собѣ або звычайна, або смердяча, що называеся горѣвке; а якъ сказати *коровода*, то уже щось таке, що не дае жидкови спати, якъ оно хоче шкôра дерти, а гой есть таке мудре, що моя горѣфка не хоче пити. Ну, скажѣтъ, ци тогда не есть у мене клопôтъ и *коровода?*

Грибы то такй смашнй овочи, що росте въ лѣсѣ пôдъ дерево, но есть и такй *грибы*, ôтъ котрй можно сѣ встечи; *рыбы*, то уже не росте пôдъ дерево, а лѣтае по вода и смакуе жидкамъ на шабасъ. Правда тй два рѣчи, *рыбы и грибы*, маютъ то вспôльне зô собою, що якъ гой хоче собѣ одно або друге взяти, то не возьме ни одно ни друге, но злапае собѣ часомъ оловяне кулька. Ни, може нѣ? — *Гараздъ*— то таке слово, що собѣ два пуцьвѣрка потребуютъ до себе сказати, якъ идутъ черезъ дорога, а „*растъ*", то есть дуже файне слово для вояка, а ще до того жидка, коли стоитъ „габахтъ", а тутъ щось его за плечи кусае. *Гора*, то есть часомъ у земля такій горбъ, якъ у мене, а *хора*, то може бути хора корова, свинья, або и моя Сура. *Имя* то мае кажда чоловѣкъ, а навѣть и звѣръ, а *вымя* то мае лишь корова. *Сокъ* то може бути зъ яблоко або вышня, або зъ малина (но все до такій сокъ даеся дуже много вода), а *ны-сокъ*, то сидитъ на людске голова и часомъ може щось обôрвати и то навѣтъ ôтъ свое власне жѣнка *Ротъ* то бувае у каждый чоловѣкъ, а *заворотъ* бувае у той піякъ, що за много до свой ротъ выливае мое горѣфка. *Котъ* то така лапка, за котра мыши маютъ великій страхъ, а *бой-котъ*, то сновь я маю за него великій страхъ. *Борона* то собѣ таке зубате и дѣраве плахта, що лѣтае черезъ хлопска нива, а *борода*, то уже цалкомъ що инного; она собѣ уже виситъ у жидка и мѣркуе, якъ бы то дôстати въ свои руки та хлопска нивка... Часомъ *борода* бувае у

русскій мужикъ, а тогда кажутъ, що ôнъ *москаль*. Або сей *москаль*! Кажутъ, що есть такй люди, що сьи называютъ *москали*, а я сновь маю у себе въ комора цѣла бляшанка съ маленькй рыбка, що сьи также называютъ *москали*.

Або вы знаете, що то *ворона*, то таке чорне звѣрятко, що лѣтае черезъ воздухъ и кричитъ кра-кра!, а *ворота*, то уже така широка двери, що якъ сьи ихъ отворитъ, то сейчасъ выскочитъ зъ за нихъ чорна песъ и кричитъ гавъ-гавъ!

Чи то не смѣхъ съ така бесѣда, таже смѣхъ, ну скажѣтъ сами? Я бы вамъ еще сказало що нибудь, але видите, часу не ма, ось еще треба борухи ôтправити, а потôмъ загляну до Сурцѣ, якъ тамъ гешефты стоятъ. Таки а зой!

Збираесь до молитвы, приспѣвуючи собѣ съ тиха ту арію, що спѣвавъ на початку.. Куртина паде.

Львôвъ, 8/8 1910.

Гр. Г-къ.

Параллели.

Бѣднякъ имѣлъ однажды дерзость
Подтибрить грошъ;
Кричали всѣ: „Какая мерзость!
Какой грабежъ!“

* * *

Но вотъ мильонъ похитилъ смѣло
Одинъ дѣлецъ, —
И всѣ кричатъ: „Вотъ это дѣло!
Вотъ молодецъ!“

Монологъ вояка.

(*Сцена представляе вôльну околицю. Входитъ Тимко, трохи пôдохоченый, съ шапкою на бакеръ, убраный въ парадный мундуръ, съ кулею и „шицами“. Замѣтивши публику говоритъ*): Овъ! А то що? А тутъ на що зôбралось тôлько цивильбранжи? (*Смѣеся.*) А вы на кого чекаете? Може на реформу выборчу до сойму? Шкода часу, кажу вамъ — идѣтъ спати! (*Надслухуе.*) Що? На кого я чекаю? Я чекаю на мою Ксеню, котра мала тутъ прійти. Нема еще, то зажду трохи. (*Гнѣвно.*) Але якъ не прійде и не принесе якійсь „футрашъ“, то сейчасъ завтра дамъ ѣй „абтретенъ!“ Ая! Я не жартую, а кажу вамъ правду. Бо я дуже острый! (*Смотритъ на публику.*) Не такій якъ вы, цивили! (*Горячится.*) Не смѣйся одинъ съ другимъ, бо я не жартую! (*Вкладае руки въ кишени и смотритъ съ насмѣшкою на публику*). Одинъ въ другого — самй офермы. А то бы бувъ съ васъ файный „унферменъ-абтайлюнгъ“. (*Приглядаесь.*) Тôлько, якъ вижу, дѣвчата тутъ межи вами краснй. А я дѣвчата дуже люблю. (*Показуе.*) Аво, та яка файна! Або та, ще файнѣйша. Е, та бо всѣ файнй. Але що съ того! Сидятъ съ цивилями. Встыдайтеся дѣвчата, возьмѣтъ собѣ лучше жовнѣрôвъ, а тымъ дайте—„абтретенъ“! (*Смотритъ нибы на годинникъ а въ самôмъ дѣлѣ—на ланцушокъ*). Но але то вже осьма, а еи ще нема. Знаете що? Не знаете правда? Менѣ, видите, скучно и вамъ, якъ вижу, хочеся спати, тожъ скажу я вамъ щось о войску, щобы вы знали, що то есть жовнѣръ, якй его обовязки, а що найважнѣйше, якъ его треба шановати. Альзо „габтъ-ахтъ“! Чи вы чули, яке я вамъ давъ командо? Га? Та де тамъ! Съ цивилями не можно навѣтъ говорити по вôйсковому Альзо нехай вамъ буде — „рутъ!“ (*Смотритъ на годинникъ.*) Гмъ, що такого, що Ксеньки нема, може она тамъ где межи вами (*смотритъ межи публику.*) Нема! А то я

уже голоденъ, то есть, хочу сказати—злый! Но нема що робити. Отже послухайте, я скажу вамъ щось о войску.

Цѣле войско дѣлится на: фантерію, анталерію, кавалерію, фурвезôвъ и лянгвербôвъ. Ага, суть еще тй, якъ то они называются—майтки, те... хтѣвъ я сказати маринарка. Фантерія найбôльше швицуе, анталерія — та тôлько стрѣляе на непріятеля, якъ той есть еще дуже далеко; якъ непріятель сближаеся то она втѣкае ôтъ него, якъ жиды ôтъ солонины. Кавалерія, то самй паны. Каждый кавалеристъ мае свого коня; — простый гемайный, то мае ажь два кони — до пуцованья. Кавалеристы то тôлько гуляютъ собѣ по поли и смотрятъ, якъ далеко находится непріятель. Коли непріятель уже близко, то они скоро бѣжатъ и даютъ знати фантеріи, щобы она также втѣкала. Фурвезы то суть сновь такй, що то вмѣютъ съ кôньми говорити: „гейта“, „висьта“. Майтки, те... маринарка, та сновь на мори стрѣляе и топится разомъ съ кораблемъ. Я, якъ видите, служу при фантеріи и о ней вамъ трохи обширнѣйше росповѣмъ. Каждый фантеристый фасуе такій багнетъ. (*Показуе.*) Въ „динстъ-реклама“ стоитъ, що для того такій короткій, щобы бувъ сильный. Но то неправда. Ôнъ для того такій короткій, щобы не бивъ по ногахъ, якъ фантеристъ втѣкае передъ непріятелемъ. Ферстанденъ? Но! Потому фасуе — „геверъ“. Шкода, що не маю тутъ его, ябъ вамъ показавъ. Въ гверѣ найважнѣйша есть — „шперкляпа“ и завсѣгды мае бути замкнена, щобы фантеристъ на „экзецирцѣ“ когось не застрѣливъ. Потôмъ есть — люфа, котру треба щоденно двѣ годины чистити, щобы не заржавѣла въ серединѣ. Потôмъ есть „ауфзацъ“, на котрôмъ дуже розумѣются всѣ офицеры. Потôмъ есть „фершлюсъ“ о чôмъ я... о чôмъ вы и такъ ничого не будете розумѣти, бо що то цивиль! Ему говори, а ôнъ все цивиль! То уже маете— „байнетъ и „геверъ“, а теперь пôдемъ до „танистры“. „Танистра“ то для жовнѣра дуже потрѣбна. То есть така вамъ торба, котру носится не

такъ якъ то на селѣ зъ боку, а на плечахъ. А дуже она грѣе. До неп напхано такъ, може собѣ запишете? нѣ? отже уважайте: пара прадла, фецы, фустинка, ручникъ, пять щѣтокъ, шварцъ, вôскъ, пуцъ-помада, мыло, гребѣнецъ, игла, нитки, чорнй, жовтй, червонй, наперстокъ, гузики и другй „клайникайты". Ту танистру замыкаеся шкôрою съ теляти, котре паны уже давно съѣли, а на верху въ лѣтѣ привязуеся зрульованый мантель, щобы фантеристому було легче ходити. На причинокъ причѣпляеся до танистры шпату, або и цельтъ и „кумодъ-шуги" и все то треба на плечахъ двигати. Часомъ, якъ панъ фиръ, або панъ капраль слабй, змученй, то фантеристъ муситъ два такй цельты нести.

Потôмъ каждый фасуе шапку, завсѣгды бôльшу, якъ треба, а то для того, щобы жовнѣръ, якось лучше выглядавъ. Потôмъ пантальоны, блюзу, фецы, всякй ремѣнцѣ, бляшанку на воду и другй вôйсковй „клайникайты", о котрыхъ вы цивили навѣть понятья не маете. (*Смотритъ на публику*). Та якъ я вижу, вы навѣть не слухаете того, що я вамъ говорю. Всѣ спите. „Ауфъ"! „Габъ-ахтъ!" Правда, вы не знаете еще команды. Отже я вамъ скажу. „Ауфъ" то значить, якъ чоловѣкъ лежитъ, то треба встати. „Габъ-ахтъ" то есть найважнѣйша команда. На ту команду треба станути просто якъ свѣчка и навѣть пальцемъ въ чоботѣ не шевельнути. Груди маютъ бути напередъ, черево въ задъ. Потôмъ суть „копфвендунки". „Рексъ" и „линксъ-шаутъ". (*Шапка злѣтае ему зъ головы.*) Тутъ нема смѣху, бо то все мае бути остро, по войсковому. Потôмъ суть марши „Маршъ-габтъ-ахтъ" то треба ити остро и валити ногами, щобы ажь искры сыпались. А „маршъ-рутъ", то можно навѣтъ такъ ити якъ стара корова. Якъ умѣе жовнѣръ машеровати, то иде до „шайбы" стрѣляти. Кто добре стрѣляе, то дôстае такй „шицы" якъ я маю, а кто зле стрѣляе, того призначаютъ до „унферменъ-абтайлюнку". Часомъ и офер-

ма мае „шицы“; купитъ собѣ въ кантинѣ и припинае до кабата якъ иде на урльопъ або до дѣвчины. Хоть то не вôльно, але кто его тамъ видитъ. Коли жовнѣръ уже добре стрѣляе, то иде на варту. (*Задумуеся*).

Ой нагадавъ я собѣ ту варту. Разъ стоявъ я на вартѣ пôдъ лѣсомъ. А вы не знаете що то варта. Въ день еще якъ въ день, але въ ночи то ажъ страхъ сгадовати! Стою я знаете, кругомъ темно, хоть око выколи. Слухаю, а тутъ щось гейбы задзвонило ланцухомъ. Овъ, що то може бути? Може то кто иде менѣ геверъ украсти. А то бы клопôтъ бувъ. Мусѣвъ бы батько чорну корову продати, щобы гверъ ôткупити. Отже, знаете, слухаю, волосье дубомъ стае и не знаю, що робити, чи стояти дальше чи втѣкати? Кобъ я такъ, знаете, мавъ въ руцѣ кôлъ ôтъ плота, то я не боявся бы ніякои бѣды, а я, видите, ничого не мавъ, лишь гверъ на рамени и острй патроны. Конецъ кôнцемъ я нагадавъ собѣ, що треба кричати: „гальтверда!“ Отже кричу разъ, кричу другій, кричу третій ба и четвертый, хоть то нибы лишь три разы треба кричати — а то ничо! Коли отже никто не отзываесь беру я гверъ, замыкаю очи, потягаю цингель и — гримъ! Коли я выстрѣливъ прибѣгае до мене цѣла варта и пытаютъ, що такого, але я навѣть слова не мôгъ сказати. Сейчасъ мене злюзовали и пытаются, що то було? Я по довгихъ короводахъ прійшовъ до себе и оповѣдаю, якъ ся рѣчь мала. Пôйшли всѣ глядати, но ничого не найшли. Казали, що недалеко лишь кôнь пасеся на луцѣ, ланцушкомъ спутаный. Але я знаю, що то не бувъ кôнь! То була якась нечиста сила. Така то тяжка варта при войску!

Гмъ, моеи Ксеньки, еще нема. Я бы вамъ еще где що оповѣвъ, на примѣръ за маньебры, але боюся, щобысьте всѣ не заспали. Маньебры то знаете такій великій „ибункъ“, въ котрôмъ мусятъ бути: фантерія, кавалерія, фурвезы но и лянгверы. Тамъ то можна надивитись! На першôмъ роцѣ моеи службы я бувъ першій разъ на

маньебрахъ. Нашъ региментъ уже о четвертôй рано ждавъ на пана оберста, котрый мавъ запровадити насъ на тй „маньебры“. Акуратъ о семôй прійшовъ панъ оберстъ, а такій вамъ грубезный якъ бочка. Пôвъ годины мусѣвъ драпатись на коня и таки не выдрапався, ажь надôйшовъ „пфердевертеръ“ и ледви его высадивъ. Якъ уже сѣвъ панъ оберштъ на коня, ôтсапнувъ собѣ и вытягнувши шаблю — закричавъ: „Габъ-ахтъ! Допельраенъ марширтъ ауфъ, ерсте компани маршъ!“ Музыка врѣзала файного марша и въ дорогу. Черезъ мѣсто еще яко тако намъ машеровалось. Цивили дивилися на насъ по улицяхъ, бо то они все такъ люблятъ дивитись, якъ вôйско йде, но коли мы найшлись въ чистôмъ поли, уже треба було „швицовати“. Казали намъ убрати „файндесабцайги“, т. е. таке бѣле полотно на шапку и „маркеровати“ непріятеля. Офицеры повытягали якйсь папери, дивлятся на нихъ якъ курка въ кôсть а панъ оберштъ каждому щосъ наказуе, щось руками вымахуе, а мы фуртъ идемъ Уйшли мы такъ зô три мили, ажь тутъ панъ капитанъ крикнувъ наразъ: „Гальтъ! Нидеръ!“ Мы всѣ поклалися на землю. Но слава Богу, думаю собѣ, хоть трохи чоловѣкъ ôтпôчне. Но где тамъ! За хвильку чуемъ команду: „Ауфъ“! „Маршъ!“ И сновь идемъ, а за хвильку сновь: „нидеръ“. И такъ щось зъ десять разôвъ Наконецъ чуемъ: „Баіонетъ ауфъ“! То значитъ, що каждый мае багнетъ задѣти на конецъ гвера. Овъ, думаю собѣ, що то буде! Коли мы такъ всѣ мали багнеты уже на гверахъ, панъ капитанъ каже: Уважайте хлопцѣ, щобысте собѣ слѣпакôвъ не повыколювали и „ляуфшритъ — маршъ!“ Га, думаемъ собѣ, добре тобѣ кричати ляуфшритъ, якъ ты на кони, але що робити? Бѣжимъ. Бо „ляуфшритъ“ то уважаете значитъ тôлько, що бѣжи стрôмъ головъ напередъ! Хлопцѣ пôдчасъ такого „ляуфшриту“ — падаютъ по дорозѣ якъ грушки зъ вербы. Ая! Бо то не жартъ! Бѣжи и бѣжи, а тутъ „танистра“ тягне въ задъ, а тутъ горячо, що и дыхну-

ти не можь! Коли такъ бѣжимъ, чи рôвъ, чи горбокъ, чи болото, чи тернье, чи сбôже, наразъ чуемъ сновь—„нидеръ!“ А знаете чому? Шкапа пана капитана не хотѣла дальше бѣчи, отже треба було робити — „нидеръ“. Коли мы такъ полягали, щось чуемъ говорятъ межи собою офицеры — що непріятель близко... И казали намъ сновь — впередъ, но уже не на ногахъ, а на колѣнахъ и черевѣ. Думаю собѣ, шкода блюзы и пантальонôвъ, бо якъ заболотится, то то буде мавъ чоловѣкъ що пуцовати, но годѣ. При войску „бефель — истъ бефель“! Нема рады. Суваемся такъ на черевѣ, а наразъ чуемъ, гдесь далеко передъ нами стрѣляютъ. Нашъ панъ капитанъ кричитъ: „Шисенъ градаусъ непріятель, ауфзацъ ахтъ гундертъ, анъ, фаеръ!“ Якъ, уважаете, начали мы стрѣляти, то ажь страхъ! Коли мы дали зъ десять сальвъ, сновь на команду стаемъ и бѣжимъ напередъ. Якъ мы уже найшлися на вершку горы, увидѣли мы пôдъ лѣсомъ непріятеля. Поховався поза корчи, та стрѣлявъ до насъ слѣпаками, то есть — слѣпыми патронами. Мы кладемся сновь на землю тай сновь стрѣляемъ. А той непріятель пôдъ лѣсомъ, то були самі лянгверы. Коли я такъ придивляюся имъ лучше вижу, що одинъ мѣритъ до мене... Овъ, пожди но! Я тобѣ дамъ Прицѣлився я до него и выстрѣливъ скорше, чѣмъ ôнъ до мене. Коли я такъ ему придивляюся ближе, а то, знаете Юрко Кривонога, мôй краянъ, таки зъ мого села. И мы оба, уважаете, до себе стрѣляли! Таке то при войску бувае. Отже коли мы уже выстрѣляли всѣ патроны, кажутъ, що буде атакъ. Отже есть атакъ. Напередъ бѣжитъ кавалерія. Вы цивили не знаете, що то атакъ кавалеріи. То щось таке страшне, що ажь въ очахъ темнѣе. Ая! Якъ то, уважаете, увидѣли лянгверы, та якъ знаете дали ногамъ знати, то ажь курилось за ними. Всѣ до одного повтѣкали до лѣса. И тогда мы розложились въ однôй долинѣ на „растъ“, то есть нибы такій отпочинокъ. Тамъ мы варили менажу, та пуцовали гверы. А вечеромъ то мы му-

сѣли розкладати на нôчь свои цельты, пôдъ котрыми въ ночи собѣ воякъ спитъ, кладучи пôдъ голову таинстру Я впрочѣмъ и такъ не спавъ пôдъ цельтомъ, бо мусѣвъ ити на „видету". То есть щось таке гейбы и варта. Стоится десь въ лѣсѣ и уважаеся, чи не иде непріятель. Коли я такъ стоявъ на видетѣ то знаете-сонъ мене зморивъ и я уважаете, вмѣсто уважати на непріятеля заспавъ, якъ забитый. Снилося менѣ лишь, що я мавъ зле плащъ зрульованый и одинъ ремѣнецъ бувъ перекрученый до горы ногами. Та, уважаете, дуже я тымъ зажурився, бо то не жартъ. Якъ фантерпстый нерôвно, не пôсля припису мантель зрулюе, та, уважаете, сейчасъ дôстае якихъ 7 дней „ейнцля". Но, коли я пробудився, сейчасъ моя журба минула, бо я переконався, що мантель бувъ якъ слѣдъ зложеный. За то однакъ я мавъ другу бѣду. Бо коли я спавъ, непріятель въ ночи пôдсунувся ажь пôдъ нашй цельты, та збудивъ цѣлый генеральный штабъ и хотъ наши непріятеля прогнали, все таки старшина була лиха, для чого ему позволено такъ близко пôдôйти Но и выкрилося, що то я тому завинивъ. Кличе мене панъ капитанъ, та каже злобно: „Во бистъ ду гевезенъ?" А я кажу: „Я воль, геръ гаунтманъ, мельдую послушни!"—„Ду бистъ айнъ зольдатъ?"—„Я воль, геръ гаунтманъ мельдую послушнй". —„Ихъ верде дихъ айншпернъ!"— „Я воль, мельдую послушнй, я заспавъ!" И такъ мы оба розмовились, и ничо менѣ не було. Потôмъ мы еще пять дней бились съ непріятелемъ, ажь наконецъ вернули мы въ касарню.

Отже теперь уже знаете — що то жовнѣръ, що то за швицъ при войску. Але я не журюся. За 6 мѣсяцѣвъ, 3 недѣли и 22 дни и я буду вже цивиль и такъ якъ вы пôду подивитися до тыятру. (*Оглядаеся*) Аво! корчъ бы его скрутивъ! Якійсь капраль иде собѣ съ моею Ксенькою, а я тутъ съ вами розбалакався. Та — най иде! Я и такъ, якъ буду цивилёмъ, то найду, собѣ инну дѣвчину, ось котрусь зъ помежи васъ. Сервусъ! (Отходитъ).

Ив. Болкотъ.

Львôвъ 5 червня 1910.

Софронъ Мочиморда.

(*Мочиморда входитъ на сцену затачуесь и говоритъ:*) — Овъ... фе!.. Якъ то менѣ и въ ноги повлазило и въ голову. А ту ще кобы кто изъ громадянъ не побачивъ, бо и смѣху булобъ на цѣле село!.. Овъ... фе!.. Агій на тебе проклята маро! Годѣ дорогу вынайти до хаты. (Замѣтивши публику.) А... выбачайте, не замѣтивъ!.. Мое поважаніе, мое ушанованье! Що?... пытаетесь съ кимъ маете честь? Овъ... фе!... Я думавъ, що вы мене знаете. Вы здаесь не тутешнй?! Га? зъ инного цѣлкомъ повяту?.. Може бути, може бути!... Овъ... фе!... тажь мене, начальника громады села Хруньовецъ, мене ото, якъ видите, Софрона Мочиморду — всѣ знаютъ! И мала дитина въ селѣ знае мене. Ге?... пытаетесь съ ôтки вертаюсь? Якъ разъ теперь вертаю, видите, съ обѣду ôтъ ясного пана. Выбачайте за слово, що осмѣлюсь спытати таки на правду, чи вы тутешнй, чи нѣ? Я бо и виджу, що вы не тутешнй, бо нашъ повятъ цѣлый мене знае, то есть, всѣ паны зъ повяту!.. Двайцять лѣтъ я вже вôйтую, т. е. я нибы начальникъ громады, членъ рады повятовои, огльондачъ худобы и людей и такъ далѣ. Го, го!... я досыть обширне становище занимаю, не тôлько въ своей громадѣ, но и въ повятѣ!.. И всюда, якъ видите, фалабо, мене шануютъ та поважаютъ и почитаютъ, а все оно черезъ мою добру натуру. Бо я бачите, потрафлю всюды и межи всѣми хорошо найтись, знаю кому и якъ честь ôтдати!.. А за такимъ чоловѣкомъ пропадаютъ. Оть хотябы и пôдчасъ выборôвъ. Пріѣздитъ якійсь панокъ, нибы якійсь школьникъ, що то въ школахъ учится, въ нашôмъ селѣ робити выборы, чи тамъ вѣче, а все таки перше заѣхавъ до мене и каже:

— „Вамъ бы начальнику постояти за своимъ русскимъ кандидатомъ въ послы, та и громадянъ на ту сторону наклонити, каже, нашъ кандидатъ сознательный рус-

скій чоловѣкъ, та хорошо зъумѣе постояти за народну справу!“

Такъ щожъ. Ніяково було менѣ ему ôтказати, бо якъ знаете самй, я люблю изъ всѣми добрымъ бути и жити въ згодѣ. Пріобѣцявъ я ему, та сей и поѣхавъ собѣ, куда ему треба було. Потôмъ пріѣхавъ и другій якійсь тамъ кандидатъ на посла зъ Украины, чи зъ ôтки ôнъ тамъ бувъ, и также добре говоривъ, я самъ кричавъ на цѣле горло: славно! Ажь захрипъ бувъ, але стара моя загрѣла менѣ пива зô смальцемъ и якось хрипка покинула. Говоривъ ôнъ отже за пасовиска, за сôль и всяку всячину, але бачите, щось мене и головы вже то не тримаесь, бо и своихъ клопотôвъ богато маю, та таки думаю, говори ты собѣ здôровъ. Я и потаковавъ, но все таки свôй розумъ мавъ. Анужъ, якъ бы такъ ясный панъ довѣдались, що я обстаю за чужою справою, такъ на смерть погнѣвались бы. Тай таки того самого дня ясный панъ покликали мене до себе и кажутъ „Вы Мочиморда, не слухайте тыхъ пройдисвѣтôвъ, а гонѣтъ ихъ изъ села, нехай не баламутятъ выборцѣвъ. Пасовиско и лѣсы они обѣцяли на колись, а я нынѣ даю вамъ и вашôй худоби нѣ пашу, та опалъ изъ моего лѣса, тôлько голосъ свôй вы дасте на нашого кандидата, дуже доброго чоловѣка, котрого самъ народъ просивъ на посла.“ Отъ думаю, до своего ясного пана все придаеся, а тамтй и не знанй люди. Пріобѣцявъ ясному панови, що свôй голосъ ôтдамъ и громада ôтдасть, бо муситъ робити, якъ якъ скажу и якъ я схочу! А!.. що-бъ то за громада була, щобы не слухала свого вôйта и то еще такого, котрого навѣть въ повятѣ всѣ шануютъ. Нехай не послухалибъ мене... Го, го!.. попамятаютъ они мене! Постягаю всякй додатки до податкôвъ, нумерове, шильваркове та яке лишь удастся, що ажь пищати будутъ! Я не боюсь никого въ громадѣ! Го, го!.. Нехай спробуе влѣзти менѣ въ дорогу, то побачитъ. Хоть то громадяне не тй, що колись були. Гей той каже, — нюхаютъ

письмо носомъ. Вже и зновили, що въ касѣ громадской бракъ грошей. Не треба вамъ и казати.

Про тоту касу громадску, то никтобъ и не знавъ бувъ, колибъ не той проклятый Иванъ Читальникъ, що нибы ôнъ себе мае за ученого, бо читае якйсь тамъ газеты зô Львова. Го... го!.. тото я тобѣ небоже попамятаю!.. що и не стямишься, якъ зъ громады пôйдешь съ торбами! Ніякому мудрагелеви иначе не пасуе и не одинъ повандрувавъ изъ села черезъ свôй непослухъ. Зрештою за мною всѣ паны зъ повяту, то и цѣлои громады не боюсь!

Для доброго я всюда добрый, хотьбы и съ жидомъ. Отъ съ концесіями на вышинкъ, то также моя въ тôмъ рѣчь, якъ треба и жидови помочи, то поможу. Абрамко добрый чоловѣкъ. Знаете я не жартую, а правду кажу, що мене всѣ люблятъ и шануютъ та поважаютъ Отъ, хотьбы и сегодня, запросивъ мене ясный панъ на обѣдъ, а було богато панства — магнатôвъ, а межи ними и я. Бо бачите чоловѣкъ не нынѣшній и умѣе знайтись, хотьбы и въ якôмъ то высшôмъ товариствѣ, та всѣхъ убавити до не схочу. Пана старосту при обѣдѣ, то ажь живôтъ розболѣвъ зô смѣху. Тай всѣ таки смѣялись. При кôнци то було вже менѣ за много того смѣху, бо и я ажь таки розсердився. А пôйшло оно зъ того: посѣдали панство обѣдати, ну, тай и менѣ выпало свое мѣстце. Подали на стôлъ зупу, чи яку тамъ мару, я никого не обмавляю, але не була солона!. Велика рѣчь, якъ я взявъ пальцями соли та посыпавъ на тарель. И чогожъ тутъ смѣятись? Якй они диваки тотй паны. Сейчасъ одинъ каже менѣ на ухо:

— У насъ, каже, береся сôль на на конецъ ножа и тогда посыпуесь. Най тобѣ буде и такъ, — думаю. Не велика штука, взявъ я сновь въ пальцѣ соли, гей той табаки, насыпавъ на конецъ ножа и посоливъ. Сновь смѣху не мало. Всѣ кричали: браво, панъ староста зъ радости ажь поклепали мене по рамени и мало не звалились зô

смѣху. И такъ подавали одно за другимъ, друге за третимъ. Всѣлякй напитки, всѣляку закуску и перекуску, ажь на кôнци поставили цѣлу вязанку якогось корѣнья зъ очерету, якйсь шпаргалы, шараги, чи тамъ якъ они звутъ шпараги, чи що. Гризу я то-то гризу, ажь зубы трѣщатъ, таке выбачте тверде, а въ нихъ ни смаку, ни ѣдь!.. А ту всѣ въ смѣхъ на цѣлый голосъ. Мене то вже розлютило, таки до живого. Чи тебе ту мара не може взяти съ твоими шпаргалами! Кажутъ, та вы начальнику не съ того боку ѣсте. Менѣ вже було за богато тыхъ шпаргалôвъ проклятыхъ. Якъ не жбурну пôдъ стôлъ, то ажь пôдлога забренѣла, такй твердй були. Троха на мене пани старостина криво подивилась, бо ей забризгало сукню, тай таки всѣ покрутили носомъ, але якось то приняли за жартъ, и незадовго скôнчився обѣдъ, тай я попращався съ панствомъ и вертаю до дому теперь, якъ бачите, просто зъ балю!

Нема то, якъ моя стара зваритъ борщу чи капусты, та все солене и безъ якихъ тамъ шпаргалôвъ, котрыхъ и собака панска не хотѣла ѣсти.

Га, що кажете?.. Панство мали до мене яку справу? Оно тее... якъ бы тее... бо то бачите, такъ за бездурно я справы таки зъ давна николи не роблю никому... Що, жаднои справы не маете? Ну, то добре, але якъ коли будете мати, може схочете притекціи до повяту, то тôлько поступѣтъ до Хруньовецъ и поспытайте, де мешкае Софронъ Мочиморда, начальникъ громады, членъ рады повѣтовои, огльондачъ худобы и людей такъ живыхъ, якъ и умерлыхъ. — Або где мешкае ревентый. Бо колись я бувъ и ревентымъ, але съ егомостемъ погнѣвався за выборы и они ôтправили мене. Впрочѣмъ каждый покаже мою хату. Або якъ раненько, то застанетемене у Абрамка въ корчмѣ, бо я тамъ що день раненько урядую съ радою громадскою. Отже кланяюсь вамъ! Мое поважаніе, мое ушанованье! (Выходитъ.)

Ѳ. Гриневичъ.

Сны.

Скажите, вѣрите вы снамъ?
Неужли нѣтъ? — не вѣрите? — на. [illegible]то.
Иные сны пророчатъ правду намъ
И поразительно, и ясно.
Такъ, если убѣжденный мною
И не дразня насмѣшкой злою,
Захочетъ кто-нибудь изъ васъ
Понять значенье сна, — спросите;
Я разберу вамъ все сейчасъ.
Все объясню вамъ, что хотите.
Ну, напримѣръ, увидите вы сонъ,
Что вамъ готовятъ баню, — быть распечкѣ;
Услышите вы колокольный звонъ,
Такъ новости придутъ со всѣхъ сторонъ.
Приснится тараканъ на печкѣ,
Такъ лучшаго вамъ нечего желать, —
Гдѣ тараканъ, тамъ въ домѣ благодать.
Пригрезится военный у порога,
Такъ предстоитъ далекая дорога,
Во снѣ начнете золото дѣлить —
Ужъ непремѣнно будетъ ссора;
Съ газетой время проводить —
Не избѣжать пустого разговора.
Себя красавцемъ видѣть, — къ фатовству.
Идти прямой дорогой — ну, къ удачѣ:
Владѣть казной общественной есть знакъ,
Что вы, конечно, не дуракъ,
И жить вамъ въ собственной богатой дачѣ.
Кто видитъ льва, разинувшаго пасть,
Тому судьба въ полицію попасть;
Кто видитъ ласковую кошку,
Того ужъ изведутъ, бѣднягу, понемножку.
Блины — къ болѣзни; зеркало успѣхъ;
Заря намъ предвѣщаетъ смѣхъ;
Застава — тщетное желанье;
А плеточка сулитъ вѣнчанье.
Приснится ласточка — къ веснѣ!
Приснятся тучи — быть ненастью;
Меня увидите во снѣ,
Такъ это ужъ, навѣрно, къ счастью.

В. Крыловъ.

Свѣдокъ

Панько Пьяниця въ судѣ.

(*Монологъ*).

Панько (входитъ затачаючися.) Авайсу! Прошу ласки пана сендзього, тай васъ пане крипираторъ, я прійшовъ нибы съ тымъ завезваньемъ, удренченьемъ ая, ага. Нибы... яко свѣдокъ, прошу ласки пана крипиратора. Та я пытався тамтого пана, що тамъ сидятъ отъ въ тамтôй станціи, где я властиво маю ити съ тымъ фирлядункомъ, а они кажутъ, нибы до мене: Та идзь до чорта! Тай я прійшовъ до пана сендзього. Ага! Га, якъ кажете? А, я! нибы яко свѣдокъ. Та за бôйку, за бôйку! Га, якъ кажете? Якъ ся называю? Я называюсь Панько Танчинъ, такъ всѣ мене въ селѣ называютъ. Нибы, по татови не знаю, бо я ще малымъ бувъ, якъ тато умерли, а кличутъ мене Панько Танчинъ. Нибы мама мои Танька звались. Га, якъ кажете? Кôлько маю лѣтъ? Не скажу! — прошу ласки пана крипиратора! Небôжка мама знали, тай жѣнка моя Паранька такожъ знала, але щôжъ коли повмирали. Нибы то, небôжка мама мои Танька, а кумъ Гринько и Софронъ, отъ сей, що такъ рôкъ до Вубразиліи поѣхали, то собѣ були первыми. А моя стара, нибы жѣнка Паранька и кума Хаврона, то були фторыми, нибы по покревьенствѣ. Га, кажете, що таки не знаете, кôлько маю лѣтъ. Та рахуйте, прошу ласки пана крипиратора, яжъ кажу! Якось такъ буде: Якъ я женився, то тодѣ у кума Пантелея, та гнѣда кобыла здохла. Нибы таки та, що ôнъ за ню мавъ процесъ, що жидъ кума скарживъ еще за грошй. А вже другій рôкъ, якъ мôй сынъ при войску. А такъ рôкъ сновь Паранька, моя жѣнка вмерла. Гакуратно якъ кумъ Софронъ ѣхали до Вубразиліи. А вы, прошу ласки пана крипиратора, рахуйте!

Га, якъ кажете? Чому не ставився на терминъ, якъ я бувъ покликаный першій разъ? А прошу ласки пана крипиратора,

тай васъ пане сендзя, якъ прійшли панъ пальотникъ съ тымъ удренченьемъ, то мене не було тодѣ дома. Въ Мошка, нибы въ нашого припинатора, громадивъ сѣно, тай панъ пальотникъ, нибы панъ возьный, не застали дома, а удренченье лишили у вôйта. Га, якъ кажете, чи вмѣю читати? Нѣ прошу ласки пана крипиратора, не вмѣю, бомъ не ходивъ до школы. Нибы я разъ бувъ въ школѣ, якъ панъ научитель посылали мене до Абрамка по мясо.

А вже якъ другій разъ прійшли панъ пальотникъ, то тодѣ каже до мене Мошко, нибы нашъ арендарь. Вамъ бы таки Паньку, нибы до мене, таки бы вамъ пôйти до суду, бо заплатите кару, або ôтсидите въ арештѣ. Тай таки кумъ Гринько, нибы тотй, що подали мене за свѣдка, кажутъ до мене, щобы я пôйшовъ за нихъ посвѣдчити за тоту напасть, ая! Ну, тай я думаю собѣ, що вже съ бѣдою зробимо, треба хиба пôти, ага, а-якъ же! Тай пôшовъ! Тай таки мавъ я свою орудку до сонду. Хотѣвъ я, щобы менѣ зробили таксацію по небôжцѣ жѣнцѣ, що торôкъ въ петрôвку умерла, тай щобы мене перетягнули черезъ гипотеку. А якъ же!

Га, якъ кажете? Що я таке плету? Та я нибы мушу все розсказати съ кôнця, якъ було. Бо я прецѣнь свѣдокъ, тай знаю що на то буде присяга! Але я присягну, не боюся, я все по правдѣ скажу и съ кôнця. Га, кажете говорити за бôйку? Та нибы я все вамъ скажу, але потерпѣтъ! Якъ я собѣ нагадавъ, що маю тото удренченье (вытягае зъ запазухи вôзванье) тай забравъ за пазуху та йду, а якъ же, та йду! Выйшовъ на гостинецъ, ажь тутъ кумъ надъѣхяли, нибы кумъ Гринько! Га, кажете, де я такъ упився? Та нибы таки съ кумовъ! Бо то по дорозѣ стоятъ корчмы, а я своихъ коней не маю, а ѣхавъ съ кумомъ! Тожъ и могоричъ треба було. Якъ самй знаете, прошу ласки пана сендзього, тай васъ пане крипираторъ, кумъ казали дати! Нибы вже оно якось не пасуе, тай я не безрога, шѣнуючи вашй слухи, тай васъ честныхъ; потôмъ я сѣвъ съ кумомъ на вôзъ и ѣдемо. Ага, тай ѣдемо, по

дорозѣ балу-балу, кумъ зачали скаржитись на свои клопоты, а я на свои и такъ заѣхалисьмо ажь до Абрамка. Нибы таки при гостинци его корчма, якъ ся ѣде до мѣста, а якъ же! Кумъ кажутъ, нибы до мене: а вступѣмъ но куме Паньку, нибы я Панько называють, вступѣмъ но кажутъ, до Абрумка, та випьемо ще по одному, бо якось такъ нибы ніяково ѣхати. Кумъ казали дати и я казавъ дати, выпилисьмо по кôлька килишкôвъ, тай ѣдемо, а якже, тай ѣдемо. Ажь пріѣхалисьмо до Ицка Рудого, а кумъ кажутъ: прр!.. а говъ!.. Злѣзьте но куме Паньку, треба нашильника поправити на коняхъ. Ну тай и позлѣзалисьмо и поправили, а кумъ тогда и розохотились та кажутъ: та коли вже позлазилисьмо, такъ и вступѣмъ на килишокъ. Тай сновь и я казавъ дати и кумъ казали дати. Нибы якъ самй знаете, прошу ласки пана крипиратора, тай вашй слухи, чоловѣкъ не безрога, якось не пасуе. Такъ то есть, якъ кто своихъ коней не мае. Га, кажете, говорити до рѣчи. Га, якъ кажете? Та я нибы говорю съ кôнця, якъ було. Бо нибы я знаю, що на того буде присяга, але я присягну, щобы и двайцять разъ, бо за правду не боюся. Ге, якъ кажете? За піянство до арешту? Я арешту не боюся! Еще васъ на свѣтѣ не було, якъ я въ арештѣ сидѣвъ! Га, якъ кажете? за що сидѣвъ? Та нибы таки за бôйку въ корчмѣ, разъ двѣ недѣли, а разъ за образу гонору. Хоть то несправедливо, бо я казавъ кумови, що ôнъ злодѣй, що укравъ мою курку, бо ôнъ таки укравъ! Го, го, я еще теперь присягну, що укравъ. Але мене засудили еще тамтой панъ сендзя, казали, що коли я кума не злапавъ на крадежи, то и не смѣю его звати злодѣемъ. А я сказавъ, що якъ вы пане сендзя обстаете за злодѣемъ, то вы такй самй. И мене за то засудили на три тыжни арешту.

А за тоту нынѣшну бôйку я ничого не знаю, бо я ничого не видѣвъ? Зрештою, я на кума Гринька не буду свѣдчити, бо то мôй кумъ. Нибы я видѣвъ та чувъ, якъ кумъ Гринько ударили сусѣда Пантелея по

твари, такъ, гейбы то болото хляпнуло, але я на кума не буду свѣдчити, бо то мôй кумъ.

(Панько шарпаесь, такъ якъ бы его кто тягнувъ и выкрикуе). Якъ до арешту, то до арешту, але не штуркайтесь и непопыхайте, бо, бо якъ я васъ штуркну, то попамятаете Панька Танчиного! Го, го, ще васъ на свѣтѣ не було, якъ я сидѣвъ въ арештѣ! (Выходитъ).

Ѳ. Г.

Бѣдный и богатый.

Кто богатъ, тотъ съ виду очень важенъ,
А бѣднякъ совсѣмъ не авантаженъ.
Кто богатъ, уменъ тотъ безконечно,
А кто бѣденъ, тотъ дуракъ, конечно.
Богача съ поклонами встрѣчаютъ,
Бѣдняка-жъ по шеѣ провожаютъ,
Кто богатъ, тотъ часто пьетъ Малагу,
А бѣднякъ такъ изъ подъ крана влагу.
Кто богатъ, тотъ кофе пьетъ въ накладку,
А бѣднякъ всегда въ приглядку.
Маргаринъ богачъ не ѣстъ ужъ нынѣ,
А бѣднякъ такъ все на маргаринѣ.
Кто богатъ — красоточку заводитъ,
А бѣднякъ съ женою вѣчно ходитъ.
Кто богатъ, красоточекъ цѣлуетъ,
А бѣднякъ лишь изъ дали смакуетъ
Кто богатъ, бранится по французски,
А бѣднякъ ругается по-русски.
Кто богатъ, тотъ въ думу выбранъ гласнымъ,
А кто бѣденъ—будетъ вѣкъ безгласнымъ.
Заболѣлъ богачъ — врачъ на порогѣ,
А бѣднякъ и такъ протянетъ ноги.
Кто богатъ, въ театръ беретъ билеты,
А бѣднякъ для васъ поетъ куплеты.

А. Каменскій.

Тôлько все съ розумомъ.

(*На сцену входитъ въ середнôмъ вѣцѣ сурдутовецъ съ червонымъ носомъ.*) А най то нужда возьме съ такою натурою, якъ я маю!— Лучше було на свѣтъ не родитись! — Гдесь мои камраты поженились, маютъ жѣнки, дѣти, а навѣть уже и внуки, а я лишився „старымъ кавалеромъ“... И кажутъ, що менѣ добре, що клопотôвъ не маю. Ха! ха! ха! — Менѣ добре?! (*Сѣдае и задумуесь*). А може бы я еще таки и оженився? Га? Та нибы щожь то за така штука? — Але котра кобѣта мене схоче? — Та бо я таки, правду сказавши, трохи старый... На святого Петра буду вже мати 50! (*Зрываесь*). Або що?! — На що менѣ жѣнки! — Моя жѣнка... то... та (*вытягае велику фляшку горѣвки и кладе на столъ, дивится на ню и говоритъ до неи:*) Ты покусо одна! Ты съ мене робишь такого варіята, що люди смѣются съ мене! — Встыдъ, встыдъ менѣ! — Але я вже не буду тебе пити, ты, гадюко якась, недобра!— (*Ходитъ*): Та нибы мôгъ бы я напитись але що? — Якъ напюся одинъ келишокъ бôльше, то не знаю, що зô мною дѣеся; голова крутится, крутится, на очи тôльки трошка вижу, а ноги... ходятъ, якъ самî хочутъ, а до працѣ я тогда неспосôбный цѣлкомъ. Но за то, кобы вы знали, якъ то мило тогда на сердцю, коли есть щось въ головѣ! — Чоловѣкъ тогда стаеся правдивымъ мужчиною; ôтважнымъ энергичнымъ, кинувся бы и на 100 людей, а навѣть и на кôнного полицая! — Ая! — Найгôрше менѣ доскулюе то то, що мôй господарь хоче менѣ помешканье вымовити, если еще разъ, якъ упюся, буду „гвалту“ кричати. Казавъ, що мене выкине! — Та то нибы правда! Бо знаете дивна у мене натура. Якъ упюся, то сейчасъ кричу „гвалту“! По що я дурный кричу, якъ упюся, то я не знаю! Але то уже послѣднiй разъ я вчера кричавъ, нынѣ я уже не буду кричати, та по що? — (*Дивится на горѣвку*): Ей ты покусо одна. Якъ

она смѣеся до мене! — О не буду я уже тебе пити! — О... якъ она чоловѣка тягне, якъ магнесомъ до себе! — Але ничо съ того, не хочу тебе вже знати! — (*Ходитъ кильку*): Але... нибы, якъ бы я такъ... одинъ однѣсенькій.. Такъ мене тягне... Та прецѣнь, якъ одинъ выпю, то не буду кричати! (*наливае собѣ келишокъ*): А!! якъ она грѣе! — А яка она нынѣ файна, якъ николи! — Але уже досыть! — Не хочу уже! (*Ходитъ*): Та нибы, по що я кричу?! Отъ теперь, якъ то красно, напився я мудро, якъ чоловѣкъ, одинъ келишокъ и не кричу, щобы всѣ люди знали, що я пьяный... Та бо то все треба мати голову! — Але яка та горѣвка нынѣ файна, то страхъ! — А якъ бы я такъ ще одинъ?! Га? — Але такъ мудро, одинъ келишокъ? Що, якъ вы кажете? — А впрочѣмъ, що я когось буду пытатись? — А щожь то, я дитина!? — Напюся еще одинъ, тôлько такъ мудро, а потôмъ гальтъ! — (*наливае собѣ келишокъ и пье*): А!! — а то вамъ жѣнка! — (*гладится по животѣ*): Якъ она росходится всюда... отъ теперь влѣзла до нôгъ... а теперь доперва до головы.. Ой, якъ то любо! — Але все съ розумомъ! — Но що сталося?! — Напився я другій и чому не кричу?! — Тôлько съ розумомъ, а все добре буде! — Гей, гей, и я бувъ колись молодымъ... и въ мене горяча плыла кровь.. Бувало всюда я бувъ, на всѣхъ забавахъ, дѣвчата любили мене, страхъ! Одна черезъ мене втопилася, але ю ôтратовали... Три съ гризоты поѣхали въ Америку и тамъ, знаете, повыходили замужъ, менѣ на злôсть, а тутъ то щось, навѣть не тямлю, кôлько, также съ грызоты за мною, повыходили за мужъ, менѣ на злôсть. Лишилась тôлько одна, моя голубка... (*сумно*): Гей, гей! — милый Боже! — Бувало, пôйшли мы обое до корчмы, я одну гальбу, а она три, я одинъ келишокъ, а она пять! — Гей, гей, она мене любила, страхъ! — Але що-жъ нещастье сталося. Съ тои любви... до горѣвки... те... хочу сказати... до мене... вмерла бѣдачка и лишила мене самого! — Самого, якъ палецъ! — Где маю шукати розрады,

где?! (*споглядае на фляшку и пôдходитъ до неи*) Ты.... ты моя розрадо! Якъ подивлюся на тебе, то пригадую собѣ мою голубку.... Ходи най тя притисну до серця! — (*хватае фляшку цѣлуе ю и хоче зъ фляшки пити, однако назадъ ставляе ю на столъ*) А во! бувъ бы забувся! О... ничо съ того! Не хочу вже съ себе варіята робити и кричати „гвалту". (*хвильку ходитъ*). Та нибы, якъ бы я такъ еще одинъ, такъ съ розумомъ... Га?.... Кричати не буду; бо по що? — (*пье*): О! чѣмъ разъ лучша! — Но, но видите! — Чому теперь не кричу? — Та бо то треба мати розумъ! — Все съ розумомъ! — (*Ходитъ*) Та нибы.... а якъ бы я собѣ такъ и крикнувъ.... але такъ цѣлкомъ тихо! (*кричитъ тихо*): Гвалту! — Но и що? Чи чувъ кто? — Такъ завсѣгды треба тôлько съ розумомъ.... по що сейчасъ голосно кричати? — Я напьюся еще одинъ.... але тôлько съ розумомъ. (*пье*) Теперь, знаете, она вамъ така файна, ажь страхъ! Гей, уже менѣ зайшла до головы. Якъ то, знаете, любо! — Чоловѣкъ забувае о всѣмъ... Но такъ, видите, уже выпивъ я чотыри и голосно не кричу! Бо то треба завсѣгды съ розумомъ! — Теперь крикну собѣ еще разъ, але не дуже голосно: (*кричитъ*) Гвалту! (*Наливае собѣ келишокъ и пье, ходитъ затачаючись*): Теперь уже менѣ такъ мило, якъ.... якъ.... не знати кому... Свѣтъ крутится наоколо мене... Ай! — ай! — якъ то любо! — Я теперь уже сильный. не боюся никого! — Никого! — кажу вамъ! Най кто схоче зачепити мене, то, кажу ему, буде бѣдный, лобъ ему пястукомъ розвалю! — Ей, кобы теперь надôйшовъ мôй господарь, давъ бы я ему! — Ôнъ менѣ заказуе кричати?! — А щожь то менѣ не вôльно навѣть крикнути собѣ?! — А то менѣ подобаеся! — (*пье съ цѣлои фляшки*): Що е?! — Где я! — Я за то плачу и могу робити въ своей хатѣ, що менѣ подобаеся. Ôнъ менѣ заказавъ кричати! — Отже на злôсть ему: (*кричитъ голосно*) Гвалту! Гвалту!! — Выкине мене, най выкине, але я за то еще разъ собѣ

крикну: Гвалту!!! Гвалту!!! (*Въ дверехъ показуесь господарь, куртина паде*).

Ив. Болкотъ.

Отчего и не соврать?

(Великопостная исповѣдь.)

Всѣ мы люди — человѣки,
И должны подъ часъ хитрить;
А ужъ въ двадцатомъ вѣдь вѣкѣ
Простофилей глупо жить...
Насъ тревожатъ огорченья
И заботъ житейскихъ рать.
Такъ порой, для развлеченья —
Отчего и не соврать?

Отъ Пахиты граціозной
Мужъ къ супругѣ прибѣжалъ:
— Что ты такъ вернулся поздно?
„Да министръ позадержалъ!“
Отъ жены скрывая шашни,
Чтобъ хранила благодать
Вѣчно ихъ очагъ домашній,
Отчего и не соврать?

Послѣ шибкаго раздолья
Съ мужемъ встрѣтилась жена,
— Гдѣ была? — На богомольи,
Говоритъ ему она; —
А сама-то въ маскарадѣ
Отплясала полекъ пять;
Но приличій свѣтскихъ ради,
Отчего и не соврать?

Вотъ въ кружкѣ акціонерномъ
Тузъ-директоръ, точно шахъ,
Гласомъ мѣрнымъ, хоть и сквернымъ,
Говоритъ о барышахъ...

Барышей хоть не бывало
И не будетъ, — но, чтобъ рать
Дурней духомъ не упала —
Отчего и не соврать?

О, Создатель! такъ издатель
Воетъ. Въ ворохѣ статей
Прихотливый мой читатель
Мало видитъ новостей...
Дай ка бухну: этотъ умеръ,
Тотъ изволилъ захворать...
Чтобъ живѣе вышелъ нумеръ,
Отчего и не соврать?

Всѣ мы люди — человѣки,
И должны подъ часъ хитрить;
А ужъ въ двадцатомъ вѣдь вѣкѣ
Простофилей глупо жить...
Въ силу крупныхъ ассигнацій,
Въ силу брюха, такъ сказать,
И житейскихъ комбинацій,
Отчего и не соврать?

Скорбный поэтъ.

Между супругами.

— Покачай же, ради Бога,
Эту плаксу хоть немного:
Цѣлый часъ оретъ она!
Съ сердцемъ молвила жена: —
Позабылъ ты, — вотъ мужчины! —
Что твоя наполовину
Эта дочь, и пополамъ
Съ ней возиться надо намъ.
Мужъ отвѣтилъ: — Свѣтикъ ясный,
Что ты злишься понапрасну!
Не пойму, какъ хочешь, я...
Дѣло въ томъ: чтобы твоя
Половина не кричала,
Ты бъ ее и покачала
До тѣхъ поръ, пока уснетъ,
А моя пускай оретъ!

Педро.

Клопоты Семена.

(Діалогъ).

Семенъ Бабѣй: (*входитъ на сцену, трохи пôдпитый, озираесь вокругъ себе и говоритъ*):

Отъ, добре, що старои нема дома, а то бы сейчасъ бѣда була. Зле, гей той каже — съ жѣнкою, зле и безъ жѣнки. Ну, та и недивниця, що я оженився съ лихою жѣнкою, коли вже и Адамъ ничого съ своею Евою не порадивъ, хоть мавъ куда утѣкати передъ нею, бо моя стара, гей той каже, якъ причепится мовъ рѣпакъ до кожуха, то и никуда дѣтись.

Вже то така и бабяча примха, гей той каже, Що не захоче, то и мусить бути. Отъ, хотьбы и возьмѣмъ моеи жѣнки прапрабабу, небôшку Еву, царство ѣй небесне, гей той каже. Захотѣлось еи квасницъ, бо гей той каже, еще щепленыхъ яблокъ не було тодѣ, такъ и мусѣла ѣсти и еще Адама въ клопôтъ звела. Такъ и съ моею старою неразъ бувае.

Ге, якъ кажете! Не всѣ жѣнки однакові? Та оно, нибы не знаю, якъ на то сказати. Кажутъ, що деяка жѣнка якъ ангелъ бувае, а моя, бачте, гей той каже, діяволомъ пôдшита. (*Надслухуе*): Охъ бѣда менѣ, де ту теперь дѣтись! (*Лѣзе пôдъ лаву*): Отъ влѣзу пôдъ лаву, а вы не говорѣтъ, щосьте мене бачили.

Ксенька: (*жена Семена, зъ за сцены*) Семене, Семене?! А що оглухъ, чи що? Певно сновь до корчмы полѣзъ?! (*входитъ*). Ну, и подивѣтся люди добрі на мого господаря. Въ поли робота, я вже и рукъ своихъ не чую съ працѣ, а ôнъ высиджуесь въ корчмѣ цѣлыми днями! Ой, йой, йой! Головонько-жъ моя ты бѣдная. (*до публики*) А думаете, що буде лучше? Та де тамъ?! Отъ и сновь бѣда выдумала якісь припинаціи. Кажутъ, що теперь хлопы въ своихъ крещеныхъ хатахъ могутъ тримати припинацію. Мало кары

Божои!... Та де таке водилось давно?! Агіії, на васъ, вченики! Бо то десь нибы по газетахъ вычитали, що съ новымъ рокомъ вже хлопы будутъ шинковали, а мому старому набилося въ голову, та ани рушъ не посидитъ дома, но лазитъ цѣлыми днями за тою припинаціею. Ой, кобы ôнъ менѣ навинувся, далабъ я ему припинацію! Ой, йой! Ажь морозитъ мене зô злости. Та я чесна господыня, чесного роду, шинкаркою малабъ бути? А, недочеканье твое, старый кострубе! Я тобѣ дамъ припинацію, що и за рôкъ не вытверезишься!

Ани на крокъ не пущу зъ хаты теперь! Привяжу на увязи якъ собаку, ѣсти не дамъ, а тожь буде знати, якъ газдôвства пильновати, а не припинаціи якоись. Ôтъ нынѣ, ани на крокъ зъ хаты не пущу, о, почекайже небоже!... И кажете добре буде на свѣтѣ теперь? Та где тамъ добре! Я баба, але знаю съ горы, що зле. И то дивно, для чого зле. Давнѣйше, правда, пили люде, не було читалень, не було школы, то и народъ темный бувъ. А теперь и школы суть, и читальни закладаютъ, отже зле не повинно бути. Отъ при посвященью нашои читальни и егомость и таки тоі панъ зô Львова, що пріѣхали, наговорились немало, и все одно: „молися, учися, трезвися“, таі и полишили якіісь синіі папѣръ на столѣ, на котрôмъ также таке написано стоитъ, але якось ничо съ того. Нынѣ видно и паны уже щось маркеруютъ, коли хотятъ якісь припинаціи межи хлопами заводити. Щось зле дѣеся на свѣтѣ! Тотй паны, що то писали колись файнй науки, таі друковали тоі синіі папѣръ, вже небôщики, давно десь поумирали, а теперь бачте все иначе настало! Ой, кобы то я стрѣтилась коли съ тыми панами, я бы имъ показала, чи хлопови потреба припинаціи, та нащо они розволочили мого Семка!

Тримае Ицко корчму, наі тримае, наі самъ зô своею Суркою пье ту смердюху, а не ты хлопе. Кобы то всѣ жѣнки мали мôй розумъ, го! го!... Сама не пôйду и старого

не пущу до корчмы, най сидитъ дома, най пильнуе газдôвства.

Але щожъ: якъ зачали газетники писати за тоту якусь, чортôвску — духъ святый при насъ хрещеныхъ, припинацію, тай хоть бы и мôй старый взявъ та зворохобився. Заложу —каже—у себе въ хатѣ припинацію, часъ вже, каже Йцкови пôйти на пенсію. Та на яку мару, кажу, тобѣ припинаціи?! Я и сякъ и такъ розговорюю, ани рушь: а теперь до того ще й розволочився и начинае розпиватись. О, почекайже небоже, вернешь ты менѣ до дому, дамъ я тобѣ припинацію! А що бы то було, якъ бы такъ, храни Господи, самъ ставъ шинкаремъ. Та все, выбачте за слово, бувъ бы пьяный якъ безрога, якъ темна нôчь!

А нынѣ, отъ кôлько змарновавъ часу, а я сама гôрько працюю, що и своихъ рукъ не чую. И де ôнъ такъ довго бавится? Почекайже небоже, дамъ я тобѣ припинацію, дамъ я тобѣ коцюбою печатку на твое поданье, навѣть до вôйта не пôйдешь. (*За сценою чути крикъ курки*). А тамъ що такого? Певно вже яструбъ вхопивъ курку. Головкожъ ты моя бѣдна! (*выбѣгае; за сценою*): А гушана; а гушъ! гушъ, гай-на!!

Семенъ: (*вызирае зъ пôдъ лавы*). А що, вже нема моеи старои? (*вылазитъ зъ пôдъ лавки*). Славажъ тобѣ Господи, що вже выйшла зъ хаты (*хапаесь за боки*). Ай, ажь боки мене зболѣли, такъ довго лежати пôдъ лавою, а то колибъ не яструбъ — дай Богъ ему здоровье, то и до судного дня прійшлось бы лежати пôдъ лавою, а тутъ и зголоднѣвъ чоловѣкъ, бо, бачте, гей той каже. натщо еще зъ дому выйшовъ на село.

А що, люде добрй, вже знаете мою стару Хаврону! Отъ, то вамъ, гей той каже, — зѣленько. Ой, йой! Не знаю, чи вытрималибысьте съ нею, а тутъ вже чоловѣкъ, фалабу, двайцять рокôвъ проживае, та, гей той каже, мучится съ нею! (*до публики*) Вы смѣетесь съ мене а то нема смѣху, менѣ часами и на плачъ сбираеся. Отъ, хоть бы и съ тою велебною, гей той каже — припина-

ціею, що то по газетахъ пишутъ, тай нибы и моя стара вамъ згадовала.

Бо то нибы тоты газетники, гей той каже, — що друкуютъ газету, то страхъ ученй люде! То щось такого, гей ворожбиты. Де кто бився, и съ кимъ, чи буде вôйна, кôлько кто мае довгу, кто уродився, гей той каже, кто умеръ, они все то знаютъ и намъ друкуютъ. Такъ рôкъ въ сусѣдскôмъ селѣ Хрунôвцяхъ, то еще громада не знала, що вôйтъ ихъ, гей той каже — хрунь, та обôкравъ громадску касу, а они вже тото сейчасъ и надруковали! аякъже!...

Такъ хотьбы и за тоты припинаціи, никто бы и не знавъ бувъ, щобы не тотй, гей той каже, газетники! Кто бы бувало думавъ бувъ о тôмъ, щобы нашъ христіанинъ гей той каже — мôгъ такъ само, якъ жидъ паршивый, тримати у себе припинацію. А добра то рѣчь, гей той каже — чи крестины, чи поминки, чи весѣлье, чи то въ праздникъ, позъѣздятся гости, и своя вже выгода есть въ хатѣ, та не треба ити до корчмы кланятись, та просити на боргъ горѣвки, такого парха пейсатого! Але, моя стара, якъ сами вы чули добрй люди, не дасть собѣ и вытолковати, що то за выгода добра?! Звычайно, гей той каже — у бабы довгій волосъ, а короткій розумъ!

А що менѣ треба було написати якесь тамъ поданье на ту припинацію, тожъ и знае стара, що самъ не напишу! Пôйшовъ я до начальника, нибы до нашого вôйта и писаря, щобы менѣ зробили тото поданье тай прибили, гей то каже — печатку! Сами знаете, никто никому не виненъ панщины, выгодили менѣ вôйтъ, тай и менѣ треба якось по людски поступати. Пôйшлисьмо до Ицка, и запилисьмо могоричъ, заки своя выгода буде въ хатѣ, гей той каже. А ту стара вже и сварится, що розпиваюсь. Зрештою, на що вамъ казати, самй чулисьте. (*Ксенька входитъ на сцену, Семенъ съ переляку цофаесь въ кутъ, намѣряючи сновь лѣзти пôдъ лаву*).

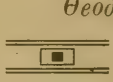
Ксенька: Ты вже тутъ, шинкарь?! То робота дома и въ поли дожидаесь господаря, а ты волочишься по корчмахъ, роспиваешься, марнуешь працю, — мою кервавицю?!

Семенъ: Дай спокôй стара, та чого чепилась мене, дай собѣ вытолковати...

Ксенья: (*бере за мѣтлу, и бье нею Семена*). А маешь тобѣ спокôй! на маешь тобѣ печатку на твою припинацію! а маешь, а маешь!! (*Семенъ тымчасомъ поволи посуваесь близше дверей и утѣкае за сцену*). Ото вамъ бѣда напосѣлась мене на старôсть. Старецъ, а еще дурѣе. О, буду я тебе теперь иначе розуму учити!... Чекайтежъ, певно сновь полѣзе до корчмы. Але пôйду но я за нимъ сейчасъ, за лобъ приведу сюда, привяжу якъ собаку, ѣсти не дамъ, тогды буде знавъ, якъ шановати свою жѣнку, и якъ пильновати газдôвства, а не припинаціи якоись. Я ему ту сейчасъ выпишу концесію на припинацію, та прибю печатку! (*Выходитъ*).

Лопушна, дня 5 VI. 1910.

Ѳеодоръ Гриневичъ.



*

* *

— Папаша у меня къ тебѣ
Вопросовъ много есть...
Ты много жилъ — и знаешь все, —
Что значитъ слово ч е с т ь?
Честь? Честь—l'onneur... Да вотъ, дружокъ,
Могу примѣръ привесть:
Когда, ты взялъ подъ козырекъ,
То, значитъ, отдалъ честь.
А д о л г ъ, папаша?
— Долгъ, ярмо,
Долгъ значитъ — денегъ взять,
Отдать заемное письмо,
А денегъ не отдать.
А п р а в о? — Что-жъ ты не слыхалъ,
Какъ на смотру верхомъ
Кричитъ, гарцуя, генералъ:
Направо и кругомъ.

Н.

Лотерія.

(Семенъ Безталанный сидитъ въ задумѣ за столомъ, поддершись рукою, розглядаесь по столѣ, на котрôмъ розложивъ передъ тымъ картки лотерійнй и чѣхаючись въ голову говоритъ:)

На, маешь! *(бье кулакомъ по столѣ)* Стосоть ту твои патынки!!... Проклята лонтерія! Я поставивъ единку эстракто на той ціюнкъ въ першôмъ руфѣ, а она чортôвщина проклята выйшла въ другôмъ руфѣ, на другій ціюнкъ! А!... ажь морозитъ мене... а ту еще стара дорѣкае, що марную працю... Ой, стара, стара!.. Не гризи хоть ты мене, а то вже самъ на смерть загризся тою проклятою лонтеріею... А бодай она свѣта не зобачила була, або, щобъ я еи не бачивъ!... Щобъ еи такъ псы натягали, якъ она мене натягае!

Отъ тамтого тыжня продавъ безроги за сто двайцять римскихъ, податку не заплативъ, дѣти голй, босй, голоднй, жѣнка плаче за працею, дорѣкае, а я не послухавъ, майже всѣ поставивъ на секо-терно. Анужь, думаю, выйде хоть амбо-зольо. Все таки гроши вернутся, та разъ поставлю на своемъ. Стара не дае спокою, а я и слухаю, и не слухаю еи, бо то звычайно баба, ничого мудрого не скаже. Анужь — нынѣ мое щастье — и выграю! Вернеся моя праця, плюну до мары на тоту прокляту лонтерію и аусъ!... А якъ нѣ? *(Чѣхаесь въ голову съ заклопотаньемъ).*

А бодай тота лонтерія пôдъ землю запалася тай я съ нею! *(до себе)* Отъ, тобѣ Семене лонтерія! Програвъ гроши, продавъ безроги и ани податку не заплативъ, ани грошей нема, ни безрогъ, хоть бери шнурокъ и на суху вербу махай!.. Ой, дурный ты Семене, дурный, хоть и свои лѣта маешь. Добре — бувало, моя стара каже!... А тутъ годѣ ôтзвычаитись, бо все тягне чоловѣка на тоту прокляту лонтерію, гей того піяка до горѣвки. А думаете, що я хоть разъ ко-

ли въ житью выгравъ? Де тамъ, де!... Кому щастье, то той и выграе, хоть и не потреба єму гроша. А тутъ чоловѣкъ все ѣздитъ на ціюнкъ до Вôльвова, думаю, а нужь щось выграю, а ту все ничо! А що то я уже наѣздився на тоту лонтерію?! Го, го, го!.. Що я грошей протративъ, бо що ціюнку ѣхати треба до Вôльвова. Все таки на мѣсци не ошукаютъ, думаю. Вчера, отъ, поѣхавъ, програвъ. На вѣденску выгравъ дулю, на тріестенску — фигу, на Грацъ также таке! Почекаю, що еще бринска покаже. Секо-терно повинно бути на певно, або хоть амбо-зольо! Два нумеры маю певнѝ; якъ умерти, знаю, що умру, такъ мусятъ выйти! Ну, и щожь певнѣйшого може бути?! Снится менѣ млынъ, одинка отже певна! Кумову безрогу заганявъ, выбачте за слово — также чвôрка певна. Пытаетеся чому? Ту власне лежитъ тота штука въ лонтеріи чому? Але я вже не ôтъ нынѣ ставлю, то и на память знаю, де на що якій нумеръ дати. Отъ хотьбы безрога снится. Отже безрога мае чотыри ноги, тожь и чвôрка певна. Тутъ нумеръ, якъ золото!... И якъже такихъ певныхъ люмерôвъ не поставити?! Таки поставивъ амбо-зольо — чвôрку съ одинкою. До того одинку эстрактувавъ осôбно на першій руфъ, бо певна также. Часами вже чоловѣкъ таке якесь предчутье мае. Отъ, всѣляко думаесь. Анужь — выграю! Вже и щастье есть, и заживешь въ достатку. (*Задумуесь, по хвили:*) Ой, Семене, Семене, чи ты вже цѣлкомъ съ пантелику збився, чи розуму не маешь?!...

На Берно еще почекаю. Нынѣ ціюнкъ буде. Поставивъ пять за порядкомъ, якъ снились! Самѝ скажѣтъ, чи не певнѝ то люмера були: Снится менѣ, що десь я въ церкви, нибы на якôмсь отпустѣ, а тамъ въ горѣ, въ копулѣ нибы наоколо, червоными буквами написанѝ люмера: одинка, чвôрка, двайцять-сѣмка и девятьдесять пять! Тотой остатній люмеръ то вже певно не выйде николи, но все таки думаю, анужь выйде на ôтворотъ — пятьдесять девять, або поодиі-

ноко и поставивъ я тотй. Такй люмера, якъ снятся, тай еще червоно намальованй, о!... то они певнй, и о закладъ можна битись, що выйдутъ! А грѣхъ бувъбы ôтъ Бога, щобы ихъ не поставити! Не выйдутъ, то ще разъ тотй самй спробую поставити. Пожичити уже никто не хоче, то спродамъ кавалокъ поля, бо и такъ вже постарѣлось и не хоче родити, а разъ мушу на своемъ поставити, мушу выграти! (*Позѣвае*) Ухъ... а!... щезни маро та пропади. А ту и сонъ чоловѣка моритъ... (*Семенъ клонитъ голову, дрѣмае и киваесь за столомъ*) Якъ бы ôтпочати менѣ... а ту и робота мене чекае (*сновь пдводится и позѣвае*) У...хъ!... якъ позѣваесь. Агій! щезни маро, та пропади! (*Дальше хилится и мовъ черезъ сонъ говоритъ:*) Цыть стара, не сварись, не плачте дѣти, выграю — то и колачикôвъ накуплю всѣмъ. (*Храпитъ*) Цыть, стара, не побивайся, не нарѣкай, не пропивъ я майна, а щастья хочу дѣтямъ!... Може и щасливо выграю, перестану тогда... (*Храпитъ дальше, пауза*) Есть! есть!... Отъ тобѣ жѣнко!! Всѣ пять выйшли за порядкомъ якъ поставивъ и то на бринску!! Есть! (*Будится, встае и водячи блуднымъ взоромъ докола, бѣгае по сценѣ:*) Есть!! А що я казавъ, стара не нарѣкай, не плачь — не побивайся!... Иду! Аа! Прецѣнь разъ выгравъ!!... (*Выбѣгае*).

Ѳ. Гриневичъ.

Торгъ о служницю.

(Монологъ жидôвки.)

(Жидôвка ходитъ по сценѣ и гейбы годилась съ служницею.)

Добре, моя любенька, добре, сѣдай собѣ, я буду тобѣ служити, якъ то файно, що ты прійшла, бо менѣ акуратъ треба служниця. Сѣдай собѣ, не встыдайся мене. А якъ тобѣ на вымя? Га? Що? Касуньи, ой я такъ люблю таке вымя, Касуньи, страхъ люблю. Мôй мужъ, нехай сьи здоровъ поховае, также любитъ таке вымя. А чуешь Касуньи, маешь ты кавалѣръ на войску? Га? Маешь? То дуже добре. А ôнъ буде тутъ приходити? То также дуже добре! А чуешь Касуньи, чи ôнъ буде приносити кумисьный хлѣбъ? Га? Буде? То добре, то дуже добре. Мôй мужъ, най сьи здоровъ поховае, дуже любитъ кумисьный хлѣбъ. (*По хвили*) Касуньи! Яке то файне вымя. Я дуже люблю всѣ Касуньи. Що? Где ты будешь спати? Сейчасъ я тобѣ буду показати. О, тутъ маешь цѣлкомъ новый шлябанъ. Чому смѣешьсьи? Що ему однои ноги нема? То ничо не шкодитъ, оно ему прецѣнь цѣлкомъ новый. Отже ты собѣ будешь спати на шлябанѣ, а твôй кавалѣръ отъ войска на вѣки. Що? Не хочешь? То ôнъ, кажешь, спитъ въ касарни? Ну, якъ ему тамъ добре, то най собѣ спитъ въ касарни.

Ой Касуньи, Касуньи! Я такъ люблю такû Касуньи, якъ ты, сѣдай но собѣ, не встыдайсьи. А умѣешь ты прати? Га? Умѣешь? Но то дуже красно. То дуже здорово для такû молода Касуньи. О, у мене будешь мала що прати — не бôйсьи! Я знаю, що ты дуже любишь прати. Будешь прала зъ мене, зъ мôй мужъ, най сьи здоровъ поховае, зъ мои вôсѣмъ дѣти, зъ мои стары мама и зъ мои старый тато. Що? Много? То не щоденно, лишь три разы на тыждень!

У мене, Касуньи моя, нема цѣлкомъ що робити. Рано встанешь, такъ о 5-ôй годинки,

возьмешь той великій горнецъ, насыплешь до него вода, положишь за 2 крейцари кава и за 2 крейцари цикорія, запалишь въ печи, а якъ буде вже та кава зварене, то дашь мои 8 дѣтки ѣсти, а мôй мужа всадишь до братрура, бо ôнъ не пье зъ рана. Передъ тымъ еще попуцуешь всѣ черевика, такъ троха. У мене шварцъ николи нема. Можешь взяти трохи вода або слина А часомъ якъ прійде твôй кавалѣръ, то скажешь ему, а ôнъ тамъ на войска мае много шварцъ, то ôнъ принесе, якъ его попросишь. Такъ мои Касуньи! Не журисьи, все тобѣ буде добре, бо я люблю всѣ Касуньи, а мôй мужъ, най сьи здоровъ поховае, также любитъ Касуньи. Потôмъ якъ черевики будутъ чистй, возьмешь мѣтла и позамѣтаешь трошки и пôйдешь разомъ съ мене на купно до мѣста. А знаешь по мѣстѣ, по свѣже болото перейтися, то дуже здорово. Возьмешь собѣ той велика кôшъ, купишь 5 кварты бульба и пôвъ фунта мясо, бо мôй мужъ и моя 8 дѣти, най сьи здорово поховаютъ, дуже люблятъ мясо. Также дуже люблятъ цыбульки, бойнесъ, бурачку, отже и тому всему треба закупити и потôмъ пôйдешь собѣ съ тымъ до дому. Я знаю, що ты файна Касуньи, я дуже люблю такй Касуньи. Потôмъ по обѣду помыешь горнятки и тарелки, сновь позамѣтаешь и пôйдешь собѣ съ мои 8 дѣтки, най сьи здоровй поховаютъ, до огородъ на свѣжій люфтъ. Що? Що ты будешь ѣсти? Но не бôйся, у мене, нивроку, будешь мати що ѣсти. Зваришь бульбу — юшка твоя, зваришь мясо — кôстки твоя, а потôмъ, що мои 8 дѣтки не зъѣдятъ, то все буде твоя. У мене буде, нивроку, що ѣсти.

Прійдещь зô спацеръ, дашь для мои 8 дѣтки кава, а потôмъ возьмешь и будешь щось прати, бо мое дѣтки еще маленьке, то оно ему треба прати, най сьи здорове поховаютъ. Що, коли ты будешь мала „фрай“? Ни, у мене цѣлый день „фрай“! Що? Недѣля? На що тобѣ недѣля? У мене въ субота ничого не будешь робити, а въ недѣля на що тобѣ выходити зъ хата. Прійде до

тебе твôй кавалѣръ на войско, принесе комисьнякъ и ты будешь мои дѣтки гостити.

Такъ Касуньи, не журисьи. Мôй мужъ, кобъ здоровъ здыхавъ, также любитъ Касуньи. Що? „здыхавъ“ не кажесьи? А якъ? Хиба „выдыхавъ“, най и такъ ему буде. Га? Кôлько буду платити? Якъ то? Еще платити? А за що? Фе, Касуньи. На що тобѣ гроши. Най дасть тобѣ твôй кавалѣръ на войско. Га? Ты за дурно не будешь служити? Якъ то за дурно? Та, кто тобѣ дасть ѣсти, а спати будешь на новôмъ шлябанѣ, а съ моя дѣтки будешь ити на спацеръ и еще тобѣ гроши? Що? Га? Не хочешь така служба. Но то иди дурне коза, зломи каркъ, ты малпа, разомъ съ твôй кавалѣръ на войско. Иди, я собѣ найду лучша служниця, ты чортъ на твоя морда. Тьфу. Она еще гроши хоче!

(Куртина паде.)

Ив. Болкотъ.

Дамскіе часы.

Мой сосѣдъ — большой философъ.
Что ни слово — то совѣтъ.
И на каждую остроту
Непремѣнно дасть отвѣтъ.
Я спросилъ его однажды:
Для нужды иль для красы
На груди подъ самымъ сердцемъ,
Носятъ женщины часы?
И съ улыбкой ядовитой
Былъ такой отвѣтъ его:
„Пусть хоть что-нибудь да бьется,
Гдѣ не бьется ничего.“

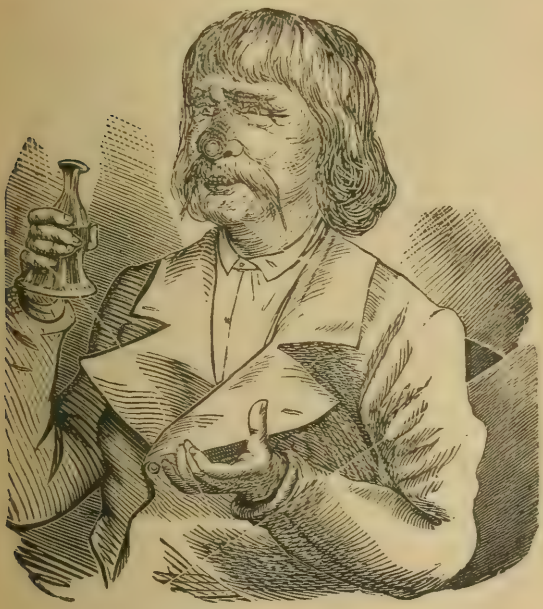
Ивановъ-Классикъ.

МИКИТА ХРУНЬ.

(Входитъ на сцену съ фляшкою въ руцѣ.)

А що, не правда? Такъ все зô мною. — Где не посѣешь, тамъ я найдуся. — Нынѣ не правда, а Хрунь горою. — Тожь передъ свѣтомъ я похвалюся, що любо, гарно, мило и смѣло — на сцену впхали Микиты рыло.

Я Хрунь Микита, — я такій зъ роду, — що свинья рôдна менѣ сестриця. — Я тя-



гну брагу, пиво якъ воду. — Где лишь кумпанія яка случится, — то тамъ я певно въ „честнôй“ забавѣ — мушу заснути съ псами при лавѣ.

Мене всѣ знаютъ, я все былъ скотомъ. — Въ корчмѣ пилъ „гаракъ“ и отъ звычайно — сплю я солодко, любо и „файно“. — въ ровѣ, або где пôдъ людскимъ плотомъ, — А дома жѣнка и дѣти ждали, ажь изъ достатка поумирали.

Но що менѣ тамъ, о то не дбаю. — Я е „политикъ“, я „поступовый“, — на всѣхъ що честны, громы кидаю, — на всяку нечесть все я готовый. — Тай пика въ мене, видите, горда, — бо я тутъ первый е мочиморда.

Чи где-що вкрасти, чи где сбрехати, — чи съ кимъ бы не будь до чарки стати, — менѣ все рôвно, Може плевати — менѣ свѣтъ въ очи, я и не дбаю. — Якъ тôлько полне корыто маю, — якъ есть до того ще въ рылѣ файка, — то решта въ мене глупôсть и байка.

Найлѣпше люблю жити съ жидами, — бо свôй звычайно тягне до свого, — тожь свята сгода есть межи нами, — та и шахрайства бывае много, — бо жиды шельмы часомъ шахруютъ. — И я не каждôй вѣрую пьявцѣ, — за то мовчу я, коли частуютъ, — за леда слово мене по хавцѣ.

А друга пріязнь, то радикалы. — Они за свого мене прибрали, — бо мы однои породы свинѣ — мы крали вчера, мы крадемъ нынѣ — и поки тôлько то въ нашôй власти, — то мы будемо до смерти красти. — И маемъ, бачте, добру причину, — крадемъ сердечно — за Украину.

Бо Украину тра пôдливати, — а даромъ годѣ водки дôстати, — тожь промышляемъ, хотя безлично, — крадемъ, та все то „патріотично“. — Такъ, що уже есть приповѣдь вь модѣ, — що кто радикалъ, то ôнъ и злодѣй.

Есть межи нами также „велебны“, — Есть и „найстаршій“, каждый го знае — они намъ навѣть дуже потребны. Якъ ся голота вся помѣшае — то хлопъ, хотя ôнъ басомъ насъ мѣритъ, — драбамъ „велебнымъ“ певно повѣритъ. — Ще и корону за ихъ науку — въ плюгаву, чорну, всуне имъ руку.

И такъ то хруни, а и я съ ними. — Мы все горою, чортъ въ нашу маму. — Родились злыми, подохнемъ злыми, — та нехай

стерво кинутъ где въ яму, Кобъ лишь при смерти ще оковита — гаракъ и пиво было до сыта. — И щобъ высока была могила — щобы свѣдчила до кôнця свѣта — що разъ закала на Руси жила — котора звалась, ось: Хрунь Микита.

Нап. *І. Я. Луцыкъ.*

Мелодія сѣраго цвѣта.

Мы съ нею шли... она молчала
И я торжественно молчалъ,
Она вопросовъ не давала,
Я ничего не отвѣчалъ.
Молчали мы, грустны, унылы,
И, наконецъ, вступили въ дворъ,
И такъ окончился нашъ милый,
Краснорѣчивый разговоръ.

Непризнанный поэтъ.

Наивность.

— Не плачъ, ребенокъ мой милый,
Не бойся за мужъ выходить —
Женихъ тебѣ вѣдь не постылый,
Вѣкъ будетъ онъ тебя любить.
— „Легко вамъ говорить мамаша,
Все-жъ страхъ беретъ меня большой,...
Вѣдь вашъ женихъ былъ мой папаша,
А Петя мнѣ совсѣмъ чужой!

Н. С.

Мошко Пявкесъ мае голосъ.

Я ладно кланямъ, що тамъ чувати? — Я вамъ хотѣло тото сказати, — якъ я на сцену собѣ попало! — Я самый просьбе о то писало; — нехай всѣ знаютъ, якъ братья рôдне, — що Мошко тутки дуже есть бѣдне.

Я маю склепикъ, всяке параде — вы тамъ найдете: перецъ, повило — цукоръ и каве, шварцъ и помаде, — бомбонъ, бандурке, смалецъ, лôй, мыло. — Все деликатне, ци, ци, нивроку, Хлѣбъ то часами лежитъ пôлъ року — и ôнъ однако въ мене коштуе. — Я, якъ потреба, то поборгуе, — я дуже добрый, вотъ еще вчера — менѣ сказали, отъ такъ на шпасъ: — „Мошку, правдива бродска хольера — нехай васъ стисне и шлякъ на васъ!“

Ну, то есть жарты; но то не жарты, — якъ вотъ приходитъ бабе пыскате — и хоче каши пôлтора кварты — и каже въ книжки собѣ писати. — Я каше дало и записало. — Я собѣ трохи и помыляло. — Я вмѣсто крейцаръ десять писало. — Якъ тото бабе за дручокъ взяло, — ай вай, по пысокъ мене карало. — А другй хлопы хватили въ руки — бѣдного Мошка и простягнули — таки на лавке, въ руки наплюли — и молотили менѣ изъ буки — задное тѣло, — я ажь омлѣло. — А хлопы било, било и било. — Еще кричало паскудне слово — и снова било менѣ на ново.

Чи то не кривде людей карати? — Я ужъ не можу тыждень сѣдати, бо менѣ коле на цѣле тѣло. — То я бы дуже ладно просило — якусь ми файну пораду дати, — бо я не хочуся позывати. — Бо я ужъ, бачте, съ такого роду, — що хотя злодѣй, а люблю — сгоду.

Нап. *І. Я. Луцыкъ.*

Моя хата съ краю.

Разбирая строго,
Вы найдете много
Дѣятелей славныхъ,
Честныхъ и исправныхъ.
Ихъ давно всѣ знаютъ,
Чтутъ и уважаютъ,
Имъ весь свѣтъ дивится,
Но „грѣшокъ“ случится. —
Дѣятель замнется,
Сладко улыбнется,
И, вздохнувъ смиренно,
Скажетъ непремѣнно:
— Моя хата съ краю —
Ничего не знаю!

Жилъ супругъ съ супругой,
Вѣрною подругой,
Звалъ жену онъ нѣжно...
Тихо безмятежно.
Жилъ старикъ съ женою
Стройной, молодою,
Въ ней души не чая,
Лишь о томъ вздыхая,
Что какъ ни хотѣлось
Дѣтокъ не имѣлось!
Вдругъ... сынокъ родился,
Старецъ изумился:
— Моя хата съ краю —
Ничего не знаю!

Грязь у насъ такая,
Что не прибавляя
Ни полслова къ фразѣ:
— „Городъ тонетъ въ грязи!“
Можно молвить смѣло! —
Городское дѣло
Въ страшномъ безпорядкѣ, —
Всѣ „ряды“ въ упадкѣ,
Близки къ разрушенью,
Нѣтъ водоснабженья,
Ночью — тьма пугаетъ!
Дума-жъ разсуждаетъ:
— Моя хата съ краю —
Ничего не знаю!

Всѣ хотятъ, конечно,
Жить легко, безпечно,
И заботъ не зная.
Адвокатъ, всецѣло
Проигравшій дѣло;
Врачъ, — возьмемъ любого —
Уморитъ больного;
Воръ, искусный въ кражѣ,
Въ взяткахъ и шантажѣ, —
Каждый, нѣтъ сомнѣнья,
Скажетъ безъ сомнѣнья,
— Моя хата съ краю —
Ничего не знаю!

Л. Танѣевъ.

Зъ улицѣ.

Иде обôрванецъ съ стрѣльбою. Его задержуе торговецъ

— Гей краяне!

Обôрванецъ не чуе. Торговецъ пôдноситъ голосъ:

— Эй ты чувъ! обôрванецъ съ стрѣльбою!

— Чого тобѣ?

— Продаешь може ту стрѣльбу?

— Продаю.

— Покажи но...

Торговецъ оглядае стрѣльбу съ видомъ знатока и пытае:

— А добре она бье?

— Добре!

— А не брешешь ты?

— А кобъ такъ здоровъ бувъ.

— А ты добре выпробовавъ?

— Та ще якъ. Та я лишь длятого продаю, що она бье; вчера упала съ гвоздя, та чотыри горшки розбила.

Сцены зъ суду.

За катаръ.

— Обжалованый якъ называеся?

— Та якъ, Грицько.

— Но, а якъ же по батьку называешься?

— Та по якôмъ батьку, я николи батька не мавъ.

— Но то якъ мати называлась?

— Матери я также не мавъ

— Якъ же то, а ктожь тебе уродивъ?

— А ктожь мене мавъ родити, готового мене найшли за селомъ...

— А чимъ же обжалованый занимаеся.

— Я фотографъ.

— Фотографъ?

— Но а якъ же, я роблю розличнѝ снимки, снимаю футра зъ колкôвъ, обероки, що пôдъ руки попаде.

— Ага, такѝ снимки робишь. Но то за тѝ снимки будешь сидѣти.

— Га, якъ сидѣти то сидѣти.

— А сидѣвъ ты уже коли?

— Я, нѣтъ...

— Е, признайся...

— Та якъ уже такъ конче хочете, то скажу, сидѣвъ я разъ два мѣсяцѣ, але вѣрьте менѣ — несправедливо, бо за такій дурный катаръ.

— Що, якъ то за катаръ?

— А за катаръ. Бо прійшовъ я до одного помешканья, поотвиравъ витрихами все якъ слѣдъ, поскладавъ на купку цѣлу добычу, а маете знати, що стягнувъ я передъ тымъ чоботы зъ нôгъ, щобъ мого ходу кто не почувъ. И уже, мѣркуете, маю ôтходити, а тутъ сей проклятый катаръ розôбравъ и якъ собѣ не кихну разъ, ба и два, и три, а тутъ служба побудилась, наробилось шуму, крику и я и не стямився, якъ попавъ пôдъ ключъ, але, якъ сами видите, несправедливо, за такій дурный катаръ.

Треба видѣти.

Судья до Параски Заграйко:

— Що то у васъ сталося?

— Та бôйка була, прошу ласки свѣтлого суду.

— А маете свѣдкôвъ.

— Суть, прошу ласки, ось тамъ Панько Зарѣчный.

Кличутъ Зарѣчного.

— Що-жь вы скажете на ту бôйку.

— А я чувъ крикъ, шумъ, оно по правдѣ була бôйка.

— А видѣли вы?

— Не видѣвъ, лишь чувъ.

— То за мало чути, треба було видѣти. Идѣтъ же до дому, менѣ такихъ свѣдкôвъ не треба.

Ôтходятъ всѣ до дому, Панько въ дверехъ ôтгрожуеся: А чортъ побери съ судіями, ôтрывае ôтъ роботы надармо.

Судія почувши проклоны:

— Що вы тамъ, я васъ сейчасъ кажу замкнути за обиду.

— А видѣли г. судья, щобы я оскорблявъ.

— Не видѣвъ, але чувъ.

— Е, то за мало чути, треба видѣти.

Содержанье.

Стор.

Монологъ жида 3
Параллели (стихъ) 6
Монологъ вояка 7
Софронъ Мочиморда (монологъ) . . . 14
Сны (деклямація) 18
Свѣдокъ (монологъ) 19
Бѣдный и богатый (куплеты) 22
Тôлько все съ розумомъ (монологъ) . 23
Отчего и не соврать (куплеты) 26
Между супругами (стихъ) 27
Клопоты Семена (діалогъ) 28
* * * стихъ 32
Лотерія (монологъ) 33
Торгъ о служницю (монологъ) 36
Дамскіе часы (стихъ) 38
Микита Хрунь (монологъ) 39
Мелодія сѣраго цвѣта (стихотвореніе) . 41
Наивность (стихотв.) 41
Мошко Пявкесъ (монологъ) 42
Моя хата съ краю (куплеты) 43
Зъ улицѣ (шутки) 44
Зъ суду (шутки) 46

Читайте!

Въ книгарни Ставропигійского Института можно дôстати слѣдуючѝ книжки, накладу Гр. Гануляка:

1. **ЩАСЛИВЫЙ ЧОЛОВѢКЪ**,
   комедія въ 1 актѣ . . . . 50 гел.
2. **ВЕСНЯНѢ СНЫ**,
   поэзіи . . . . . 50 гел.
3. **ХЛОПСКІЙ СЫНЪ**,
   комедія въ 1 актѣ . . . . 40 гел.
4. **ПРОПАВЪ „БЕФЕРДЕРУНОКЪ“**,
   шутка въ 1 актѣ . . . . . 30 гел.
5. **МАРКЕРАНТЫ**,
   шутка въ 1 актѣ . . . . . 30 гел.
6. **ДЛЯ ОТРАДЫ**,
   монологи и куплеты . . . 50 гел.

Тамъ же можно дôстати всегда хорошѝ картки съ видами; при замовленью треба однако ясно зазначити, що то маютъ бути картки накладу Гр. Гануляка.

Адресовати треба такъ:

СТАВРОПИГІЙСКА КНИГАРНЯ,

Львôвъ, ул. Русска ч. 5.